

6. ТАЙНЫЙ СЕКРЕТАРЬ (БЛИЖНИЙ СЕКРЕТАРЬ)

В этом градусе вас в особенности наставляют в усердии и верности, милосердии и беспристрастности, учат быть истинными миротворцами во всех ссорах, спорах или несогласиях между братьями.

Долг — это тот самый нравственный магнит, который руководит масоном и направляет его по бурному морю жизни. Вне зависимости от того, светят ли в небе звезды чести, доблести и воздаяния, при свете ли дня, во тьме ли предательской и бедственной ночи, в штиль или в шторм, этот вечно верный магнит указывает ему, каким следовать курсом, где находится тот долгожданный порт, не прийти в который — значит, потерпеть крушение и бесчестие. Он следует этим безмолвным указаниям компаса, как моряк, который уже давно не видел берега, которого окружает лишь безбрежный океан, следует указаниям стрелки, ни на секунду не усомнясь в том, что она указывает точно на Север. Исполнять эту обязанность, вне зависимости от того, будет он вознагражден за это или нет, — вот единственная его забота. И ничего не должно значить то, что, возможно, никто и никогда не узнает о том, как он вел себя в этот момент, что его никто в этот момент не видит.

Стоит лишь немного поразмыслить об этом — и понимаешь, что у Славы иные границы, нежели у гор или рек; и тот, кто счастлив, если все вокруг часто повторяют его имя, всю жизнь может провести в стремлении добиться этого, ни разу не прослезившись при мысли о других мирах, ни разу не предавшись мечтам пересечь Атлантику...

Таким образом, тот, кто в своих мечтах видит мир исполненным его деяниями и его славой, должен вычесть из числа своих панегиристов всех тех, кто находится ниже полета Славы, кто во всей долине жизни не слышит иного голоса, кроме голоса Необходимости; всех тех, кто воображает себя чересчур важными персонами для того, чтобы упоминать его имя, считая такое упоминание лишь пустой тратой драгоценного времени; всех тех, кто или настолько удовлетворен, или настолько неудовлетворен собой, что просто не способен уделять внимание чему-либо или кому-либо еще; всех тех, кто подвержен страсти к удовольствиям или прикован чугунной цепью к каким-либо «нерушимым догмам»; всех тех, кто не в состоянии присоединиться к его триумфу, будучи увлекаемы своими повседневными суетными делами; всех тех, кто копошится в пучине вселенского невежества и нигилизма, и тогда ему станет ясно, что слава его зажата в границы, которые не шире горной цепи Кавказа; и тогда он непременно поймет, что никто не может быть велик и значим ни для кого, кроме узкого круга друзей и знакомых. А следовательно, мы не должны стремиться в своих мечтах к вселенской славе, и необходимо — как еще Африкан¹ говорил своим последователям, — вознести взоры к высшим сферам и помыслить о своей грядущей, вечной жизни, не стремясь всем сердцем обрести славу толпы и не сводя свои надежды к тому, что может дать власть человеческая.

Мы рождены не только для себя самих; своей доли требует и наша страна, и наши друзья. Как все порождаемое Землей предназначено для

---

¹ Секст Юлий Африкан (ок. III в.) — христианский историк, сохранивший список египетских династий, составленный Манефоном, который был все же впоследствии утрачен. — Р. Х.

использования человеком, так и люди созданы ради людей, дабы творить добро друг ради друга. Учительницей нам в этом должна стать сама Природа; в обществе тоже должны царить взаимоотношения разделения обязанностей и взаимопомощи; необходимо иногда отдавать, потом — брать, далее — объединять человеческое общество с помощью науки, искусства, промышленности и прочих институтов.

Если другого хвалят в твоём присутствии, воспринимай это как должное и с радостью следуй за ним в его славе; но никогда не препятствуй его успеху, не лги о нём, сообщай всем о его успехах, не протестуй, когда ему оказывают почести и не считай, ради Бога, что продвижение к успеху твоего ближнего уменьшает твой личный успех. Никогда не напоминай человеку об известной тебе его слабости с той целью, чтобы сконфузить его, не говори о ней никому с целью опорочить его в чужих глазах, не вспоминай о ней, чтобы унижить его или возвыситься над ним; даже никогда не похваляйся, зная, что этим ты унижаешь другого, если только ты делаешь все это не ради какой-либо высокой цели.

Помни, что чаще всего мы черним других по незначительным поводам и под незначительными предлогами; и если человек высоко поднялся, мы зачастую полагаем, что его легко унижить, припомнив ему какой-нибудь грешок, слабость или проступок. Мы должны быть или более строги к себе самим или менее строги к окружающим; подумай: ведь сколь много хорошего кто бы то ни было ни сказал бы или ни подумал бы о нас, мы можем рассказать ему о гораздо большем количестве глупого, плохого и недостойного, что в нас есть, а ведь, узнай мы хоть малую толику того же самого о нём, нам этого было бы достаточно, чтобы навеки разрушить его репутацию.

Если мы полагаем людей мудрыми и проницательными, справедливыми и благодарными, когда они возносят нас до небес и отливают по нашему образу и подобию своих идолов, да не посчитаем мы их невежественными и необразованными, несправедливыми и неблагодарными, если они поют осанну, восхваляя нашего ближнего.

В жизни каждого человека не избежать множества грехов, уму его не избежать множества неверных логических построений, судьбе — несчастий, служебной карьере — более чем множества неудач, — это если просто немного разобраться в самом себе; так что чрезмерный интерес к делам окружающих всегда или почти всегда есть плод нечистоплотности и недобрых намерений. Великодушный человек всегда проявит интерес и любопытство к красоте и порядку образцовой семьи, например, или к добродетелям хорошего человека; но то, что люди скрывают за семью замками, или то, что краснеет при солнечном свете, или то, что постыдно по своей природе или носит слишком личный характер, — да не станет все это объектом его интереса.

Достаточным основанием для исключения человека из собратства Вольных Каменщиков должно являться обвинение его в том, что он не великодушен и не беспристрастен в своих действиях, в суждениях о людях и их поведении. Самовлюбленный и тянущий одеяло на себя, невеликодушный и ханжа недолго могут продержаться в узких границах честности и следования Истине: скоро они так или иначе совершат несправедливость. Тот, кто чрезмерно любит сам себя, обязательно слишком низко ставит всех прочих; и тот, кто склонен к поспешным суждениям, вскоре окажется способен и на несправедливое суждение.

Великодушный человек не будет чересчур тщательно следить за тем, чтобы отдать не больше, чем брал; наоборот, он предпочитает, чтобы весы великодушия всегда оставались наклоненными в его сторону. Тот, кто до последнего гроша получил плату за все свои добрые дела и мысли, подобен жалкому моту, пустившему по ветру родовое поместье и теперь плачущему над пустой чековой книжкой. Тот, кто платит мне неблагодарностью за сотворенное мной ему добро, отнюдь не уменьшает, а наоборот, увеличивает мое благосостояние; и тот, кто не может воздать добром за добро, нищ, вне зависимости от характера этой нищеты, то есть беден ли он деньгами, душой, сердцем или умом.

Если в нашем представлении богат тот, кто вложил в какое-то предприятие большие деньги, чье богатство состоит в массе облигаций, которые принуждают других людей платить ему деньги, то несомненно еще богаче тот, кто многим оказал услугу или просто много творил добро. Кроме умеренной суммы на личные расходы, богатый человек ежегодно вкладывает свои средства, а то, что он не использует таким образом, очень уместным кажется мне уподобить неизрасходованным нами запасам доброты и хороших поступков.

Щедрость и свобода духа делают людей человечными и живыми, открытыми, бесхитростными, честными и откровенными, готовыми творить добро, легкими в общении и удовлетворенными им, доброжелательными по отношению ко всему человечеству. Они защищают слабых от сильных, незащищенных — от грубости и хитрости. Они утешают бедных и помогают им, будучи, в глазах Господа, защитниками Его малых сих. Друзей они ценят больше, чем деньги и власть. По воле Господа, они все благородны, и гербы их навечно занесены в обители Господа в геральдические списки Небесного Рыцарства. Не может человек быть ни масоном, ни джентльменом, если он не великодушен, не свободен духом и не беспристрастен. Быть свободным, но только от того, что внутри нас самих; быть великодушным, но только если мы уже научились справедливости; отдавать, даже если это значит лишиться роскоши или элементарного удобства, — вот в чем истинное масонство.

Суетный, жадный или чувственный человек должен коренным образом измениться для того, чтобы стать хорошим масоном. Если нами управляет склонность, а не долг; если мы недобры, чрезмерно суровы, лицемерны и несправедливы во взаимоотношениях с людьми на протяжении всей нашей жизни; если мы неверны как родители и неблагодарны как дети; если мы злые хозяева или нерадивые слуги; если мы предаем друзей; если мы плохие соседи или чьи-либо непримиримые соперники; если мы беспринципные коррумпированные политики или беззастенчивые дельцы в коммерции, — блуждать нам в дальней дали от Света масонства.

Масоны должны любить и уважать друг друга. Посещая одни и те же Храмы, преклоняя колена у одних и тех же алтарей, они должны ощущать ту взаимную любовь и то взаимное уважение, которые должен вызывать в них общий подход к общему Богу. Среди нас должен царить дух древнего братства; больше мягкости по отношению к проступкам друг друга, больше понимания, больше участия во взаимном совершенствовании и больше взаимного внимания между братьями, ведь недаром же мы так называем друг друга.

Ничто не смеет вмешиваться в эту доброту и взаимную

привязанность; ни дух коммерции, всепоглощающий, неутомимый и беззастенчивый, жестокий и непримиримый в своих предприятиях, злобный и хитрый в своем соперничестве, низкий и жалкий в своих целях; ни дух честолюбия, эгоистичный, меркантильный, не знающий отдыха, увлекающий в пучины, живущий лишь мнением окружающих, завидующий успеху других, неизменно обреченный на крах, несправедливый, поверхностный и клеветнический. Тот, кто сделал мне добро, тем самым обязывает меня вернуть ему долг благодарностью. Это обязательство не есть плод особого договора или его выраженного желания; оно просто в порядке вещей; оно есть долг, порождение духа того человека, которому сделали добро и для которого более естественно любить своего ближнего и платить добром за добро. Тот, кто отказывается делать добро тем, кого он обязан любить или тем, кто отказывается делать добро ему самому, живет не по законам природы; это просто чудовище, которое в своей гордыне раз и навсегда решило однажды, что все вокруг рождены для того, чтобы угождать ему одному; в этом случае алчность его превышает алчность океана, который, пусть и принимает в себя всю воду впадающих в него рек, все же отдает ее часть облакам и подземным потокам. Наш долг по отношению к нашим благодетелям — уважать и любить их, возвращать им наши долги службой, добрыми делами, деньгами, в зависимости от того, что мы можем себе позволить, что именно нужно им самим и что предлагают нам обстоятельства; но платить им нужно той же мерой, что и они нам.

Великодушный человек не может не чувствовать горечи при виде ссор или разногласий между братьями. Только низменный и невеликодушный испытывает от них удовольствие. Сколь бесчестно занятие тех, кто заставляет людей думать друг о друге дурно, как это часто делают пресса и кафедра нечестивого проповедника, занявшая место трибуны достойного гражданина! Задачей масона должно стать стремление заставить людей думать друг о друге только хорошо, успокоить, вместо того, чтобы расписывать и усиливать трудности, объединять тех, кто разлучен или разъединен, препятствовать друзьям становиться врагами и убеждать врагов стать друзьями. Для того чтобы успешно выполнять эту задачу, он должен быть хозяином своих личных страстей, не торопиться с принятием решений, не быть нетерпимым, не принимать за оскорбление безобидное замечание, лишь в крайнем случае впадать в гнев.

Ибо гнев — враг любого собрания. Это настоящая буря, в грохоте которой ни один человек не может ничего услышать и не может быть никем услышан сам; и если вы пытаетесь в этой буре сохранить вежливость и спокойствие, на вас не обращают внимания, а если вы поддаетесь ее влиянию и гневаетесь, вы этим лишь усиливаете ее. Это не по-мужски и так не поступают умные люди. Гнев делает супружество неизбежной и необходимой бедой, братство, сообщество, компанию — невыносимыми. Он стократ преумножает несчастья, являющиеся следствием пьянства, позволяя винным парам превращать человека в безумца. Невинную шутку он превращает в настоящую трагедию. Дружбу он обращает во взаимную ненависть; человека он может заставить растерять в споре весь разум, все доводы. Он превращает власть в орудие смерти. Справедливость он превращает в жестокость, суждение — в насилие. Дисциплину он может превратить в тиранию и ненависть к институтам Свободы. Гнев может заставить испытывать зависть к

процветающему человеку и не жалеть неимущего.

Таким образом, вы видите, что, в первую очередь, держа в руках самих себя, управляя своими страстями, вы сможете поддерживать мир и гармонию меж людей и особенно меж братьев. И, кроме всего прочего, помните, что масонство — оплот мира и что «среди масонов не должно быть раздоров, только достойное и честное соперничество ради согласия и процветания работ». Где бы ни возникли раздоры или ненависть между братьями, масонства там больше нет; ибо масонство — это Мир, Братская Любовь и Согласие.

Масонство — величайшее Общество Мира на свете. Где бы оно ни существовало, оно всегда стремилось предотвратить международные размолвки и конфликты; связать между собой республики, королевства и империи в единую Землю Мира и Любви. Его усилия далеко не так часто пропадали бы впустую, если бы масоны знали истинные масштабы своей власти и хранили бы верность своим клятвам.

Кто в состоянии свести воедино все ужасы и беды, приносимые одной-единственной войной? Масонство не ослепляют его величие и могущество, его блеск и слава. Война забирается своей кровавой лапой и в наше жилище. Из десятков тысяч семей она забирает тех, кто спокойно и мирно жил, связанный благими узами любви и дружбы. Она уносит их прочь, умирать без должного присмотра от лихорадки, заражения крови и инфекционных болезней, или быть зарубленными, застреленными или разорванными на куски в кровавой битве; пасть на поле сражения или быть унесенными в жаркой и ужасной агонии в смрадный и уже бесполезный госпиталь. Крики и стоны, несущиеся с полей сражений, эхом отзываются в тысячах и тысячах горестных стонов, наполняющих осиротевшие дома. У каждой семьи есть свой скелет в шкафу, но так же точно в каждой семье пустует хотя бы одно место за общим столом. Однако, даже приходя домой, воин приносит горе в свою семью, и это заразная болезнь грубости и жестокости полевой жизни. Страна деморализована. Национальное сознание падает от честного и достойного обмена добрыми услугами друг с другом до гнева и мстительности, пустой гордыни и привычки мериться грубой силой в драке. На все это тратятся сокровища, которых бы хватило на строительство десяти тысяч церквей, больниц, университетов, или на то, чтобы связать и перепоясать целый континент колями железной дороги. Если бы все эти сокровища утонули в океане, это было бы большой бедой; но нет, беда еще больше — им придумано гораздо худшее применение: они вкладываются в то, чтобы созданное на них оружие впивалось в человеческую плоть, пока всю землю не зальет бурлящий океан дымящейся крови.

Таковы уроки этого градуса. Вы поклялись, что они станут правилом, законом и путеводной звездой вашей жизни и вашего поведения. Если так и будет, вы будете удостоены, поскольку заслуживаете этого, дальнейшего продвижения в масонстве. Если нет — значит, вы и так зашли уже дальше, нежели заслуживаете.